

От автора

Данное повествование является плодом фантазии автора, но большинство персонажей, естественно, имеют своих прототипов. Характеристики и действия персонажей, похожих на исторических деятелей описываемой эпохи, обоснованы сугубо личными знаниями автора и его личным мнением об этих персонажах. Хотя это мнение и сформировалось в результате, надеюсь, более-менее объективного изучения вопроса. Неполиткорректные действия и высказывания персонажей обусловлены их ролью в повествовании, и автор не всегда относится положительно к таким действиям и высказываниям.

Если некоторые характеристики и действия персонажей книги читателю покажутся спорными или неприемлемыми, то автор может посоветовать такому читателю ознакомиться с трудами историка и ветерана разведслужб Арсена Бениковича Мартиросяна, в частности с крайней его книгой-исследованием «Накануне войны. Можно ли было избежать трагедии». В своей книге А. Мартиросян приводит документы и свидетельства о прямой причастности части высшего военного командования РККА и части политического руководства СССР к трагедии 41-го года.

И небольшой спойлер. Если при чтении этой книги уважаемому читателю, возможно, покажется, что в повествовании присутствуют более чем два «рояля» (автор сам читатель, и «рояли» иногда сильно раздражают), то автор советует заглянуть в Послесловие. Послесловием, возможно, автору удастся убедить читателя, что замеченные при чтении «рояли» таковыми на самом деле не являются.

20 марта 1943 года, г. Москва

Наконец закончилось моё сидение в Стокгольме. Сначала сформировал Советскую оккупационную администрацию в Швеции, а потом передал руление ею Хайретдинову. Ага. Нехай шведы под татарской рукой походят. Шутка юмора такая. Накануне вечером вылетел из шведской столицы в Москву. Ночью Ли-2 дозаправился в Ленинграде и к трем часам ночи доставил меня на Центральный аэродром столицы Союза. Ожидал всякого, кроме полного игнора. И его и получил. На выходе из самолёта энкавэдэшный патруль проверил у меня документы и потерял ко мне всякий интерес. Оглядываюсь. Встречающих не видно. Парочка легковых авто увозит летевших вместе со мной отечественных и шведских дипломатов, еще одна «эмка» увозит фельдъегеря с секретно-почтовыми мешками. За мной никого не прислали. Иду-бреду к диспетчерской аэродрома. Дежурный сжалился над бездомно-бесхозным генерал-лейтенантом и пустил покемарить до утра в свою комнату отдыха. Утром игнор продолжился. Никто меня не ищет. Умывшись, бреду в аэродромовскую столовку. Продаттестат, предъявленный на входе, оборачивается весьма плотным завтраком. Приличную пайку страна обеспечивает сво-

им генералам. После завтрака выхожу на крыльцо подымить. На аэродроме — движуха вовсю. Всяки-разны самолеты взлетают-салятся, грузовики и легковушки шныряют из одного конца в другой, старшины ведут свои подразделения на завтрак или разводят на работы, зенитные офицеры проверяют очередной раз маскировку орудий, техники колдуют в ангарах, обслуживая уставшие самолеты, начкар с разводящим идет проверять посты. Все при деле, только я выгляжу трутнем. Грустно. Вот так Родина встречает покорителя Скандинавии... Хотя ведь не дали до конца покорить. Маргелов теперь за меня мои недоделки дорабатывает. Ну, да ничего, доделает Василий Филиппович. Из северной Норвегии Дитля уже почти выжали, а в южной части — немцев не так уж и много. Пара дивизий береговой обороны там у вермахта размещено. Куда им против трех советских корпусов рыпаться? Пара недель еще — и, переходя на солженицынский слог, вся Скандинавия застонет под пятой советских оккупантов. Ну и пуцай стонет, нечего было нам гадить, в следующий раз умнее будут вырождающиеся потомки викингов.

Ладно, хорош бухтеть. У меня предписание на руках. Ждут меня в Главном управлении кадров Наркомата обороны. Надо как-то туда добираться. Иду к дежурному по аэродрому, попробую выщиганить какой-нибудь транспорт до Арбата. Оказалось, что ничего сложного нет. Центральный аэродром сейчас весьма оживленный транспортный узел, и машины с него во все концы Москвы снуют. Попутка нашлась буквально через десять минут, а еще минут через пятнадцать я вышел из штабного авто-

буса у здания с квадратной башней на Гоголевском бульваре¹.

Бюро пропусков. Пропуск к кадровикам мне оформили моментально. КПП, проверка документов, гардероб. Скинул с себя моднявый монгольский полушубок и трофейный пехотный ранец с личными вещами на руки сержанту-гардеробщику и окунаюсь в деловую суету наркомата. Большинство местных офицеров передвигаются по зданию без головных уборов, а вот я, не подумав, не сдал свою мутоновую ушанку в гардероб, вот теперь и приходится на каждый поворот головы в мою сторону вскидывать руку в воинском приветствии. Надоело. Плюнул и, сняв шапку, зажал ее под мышкой. Иду по коридорам наркомата, пытаюсь не заблудиться, торможу встречающих офицеров на предмет махнуть рукой в направлении нужного мне кабинета. Уф. Добрался.

В нужном мне кабинете из-за стола навстречу поднимается полковник. Представляюсь. Ага. Ждали меня. Папочка с моим личным делом моментально извлекается из ящика двухтумбового стола. Несколько минут полковник листает мое «дело», извлекает из него уже заполненный бланк.

— Товарищ генерал-лейтенант, — официальным тоном произносит полковник, — приказом наркома обороны вы направляетесь на учебу в Высшую военную академию имени Ворошилова².

Полковник вручает мне предписание. Приехали. Все воюют, а меня за парту. За что? Встаю, собираюсь уходить.

¹ Адрес Наркомата обороны СССР — Гоголевский бульвар, д. 18.

² Так с 1942 по 1958 год называлась Академия Генерального штаба.

— Подождите минутку, товарищ генерал. Тут еще один момент. — Полковник опять листает мое «дело», находит там еще что-то: — Ага, вот оно. Вас просят обязательно зайти в финансовый отдел.

— И где мне его искать?

— Пойдемте, я вас провожу, тут недалеко.

Опять коридоры-переходы-лестницы. В финотделе полковник сдает меня с рук на руки штабному финансисту, и тоже полковнику. Финансист рад встрече. Оказывается, у меня на счету скопились большие выплаты и беспорядок, что они еще не выданы на руки. Почему их было не произвести через финчасть корпуса? Так там отродясь таких деньжищ не водилось. Полковник быстренько оформляет платежки и ведет меня в кассу. Охренеть! Кассир, потребовав с меня роспись в платежке и в каком-то журнале, начинает выкладывать передо мной банковские бандерольки. Пять бандеролек с черными червонцами¹, четыре бандерольки с пятирублевыми синими купюрами и еще небольшая пачка пятерок и трешек. Итого пятьсот двадцать с копейками тысяч рублей. За что мне столько? Оказывается, премии и выплаты за рацпредложения. Не хило так государство оценивает мои интеллектуальные потуги. Оказывается, все то, что я успел нагенерировать в разговорах, в Генштабе и на заводах, оформлено и задокументировано, а за то, что пошло в производство, мне полагается доля. Наболтать я за прошедшую зиму смог много. Боеприпасы объемного взрыва, усовершенствование кумулятивных боеприпасов, мины направленного действия, снегоходы

¹ Билет Государственного банка Союза ССР номиналом в десять червонцев имел основной цвет — черный. На рубли червонцы разменивались по курсу 1 к 10.

и водные мотоциклы, реактивные заряды разминирования, реактивная система дистанционного минирования, усовершенствование танков-мостовкладчиков и идея инженерных машин разграждения-путепрокладчиков, че-то еще по мелочи. Особняком стоит совсекретное рацпредложение о способе уничтожения вражеских баз флота. В одну из встреч с Василевским вспомнил о взрыве в канадском Галифаксе транспорта со взрывчаткой и предложил подгонять во вражеский порт сухогруз под нейтральным флагом и с мирным сельскохозяйственным грузом, с селитрой. Василевский прислушался к моим фантазиям и организовал такой подгон в турецкую Чанаккале, где готовился к броску в Черное море немецко-англо-итальянский флот. Пять линкоров, два авианосца и несколько десятков крейсеров-миноносцев-подлодок-транспортов будут развлекать в будущем любознательных дайверов на дне турецкой бухты.

В общем, понятно, за что мне такое богатство. А вот что мне теперь с ним делать? Куды мне с такой охапкой денег? Кассир сжалился и выдал мне из своих запасов холщовый мешок. Прикольнo. Идет по коридорам наркомата обороны генерал-лейтенант и как Дед Мороз мешок с подарками волочет. В гардеробе зачихал денежный мешок в ранец с вещами, от чего тот солидно распух. Теперь мне предстояло как-то до академии добратсья. До Большого Трубецкого переулкa, где она сейчас располагается, почти час пешком, наверное. Иду к дежурному по КПП клянчить машину. Хорошо быть генералом. Не послал меня майор-дежурный, проявил внимание-уважение. Правда, все легковушки из наркоматовского гаража в разгоне и до ака-

демии меня подбросила полуторка. Фигня, мы не гордые, зато не пришлось месить ногами начавший активно таять снег.

Академия. КПП. Проверка документов. Объяснение дежурного, как пройти в строевой отдел. В строевом опять полковник. В отличие от наркоматовских наглаженно-образцовых тыловых полканов, этот, помято-бледный с тростью, явно только из госпиталя, танки в петлицах. Извиняется. Только вторую неделю здесь, не все еще знает и постоянно выходит куда-то посоветоваться-уточнить. Около часа ушло на заполнение всяких-разных бумаг. После чего строевик выдает мне ключ от служебной квартиры. Адрес — в районе Таганки. Ближний свет, ага. Подальше ничего не было? Не, ближе ничего нет. Ближайшая общага вся занята, да и не положено генерал-лейтенанту в общаге кантоваться. Так что получите-распишитесь, вот вам казенная двушка. И не забудьте к заму по тылу зайти. Нет. На довольствие меня и так поставят. Но мне, оказывается, еще продпаек натурой положен. Зам по тылу выпишет накладную, и можно будет на продскладе недельный запас тушенки-хлеба-макарон-круп получить. А завтра к восьми ноль-ноль ждут вас, товарищ генерал, в учебном отделе. Нет, сейчас туда идти бессмысленно, со слушателями учебный отдел только с утра работает. Так что завтра там получите назначение в учебную группу и расписание занятий.

Зам по тылу. Продсклад. Цельный вещмешок всякого съестного. Вещмешок, правда, на склад надо вернуть, или финчасть из зарплаты высчитает.

И вот стоит на улице генерал-лейтенант в полубке, на одном плече немецкий ранец с мыльно-рыльными принадлежностями, сменой белья

и полумиллионным богатством, а на другом — отечественный сидор с американскими консервами и советской хлебно-крупяной и прочей гастрономией. Личной машины слушателю академии не положено. Адъютанты-ординарцы остались в Стокгольме. Вот стою и думаю, как добраться через пол-Москвы до своего нового дома. Торможу проходящего мимо пожилого старшину-милиционера. Тот, косясь на мой объемно-массивный багаж, для начала требует предъявить документы. Уразумев ситуацию, довольно подробно объясняет, как проехать до Таганки, где и на что пересаживаться. Иду-бреду к остановке трамвая. Мужик какой-то за мной увязался. Да не, ему тоже на трамвай. Дожидаясь вагон электротранспорта, успел покурить. Пустая поначалу остановка заполняется людьми. Наконец подходит дребезжащий вагон. Загружаюсь. Покупаю у кондуктора билет и прошу его предупредить меня о нужной остановке. Трамвай перебирается через Москву-реку по Крымскому мосту и начинает петлять по улочкам Замоскворечья. Давешний мужик выходит на очередной остановке. И чего я к нему привязался? Выходит — и хрен с ним. Трамвай трогается. Бросаю взгляд назад, на удаляющегося мужика, трястись в трамвае еще долго, вот и скучно мне, развлекаюсь, пытаюсь понять, чем мужчинка привлек мое внимание. За трамваем едет слегка помятая «эмка». «Эмка» как «эмка». Но вот она притормаживает у тротуара, и мужик запрыгивает в ее нутро. Знакомые подвернулись? Может быть. Легковушка резво обходит трамвай и исчезает за очередным поворотом. Трамвайные рельсы чуть погодя вворачивают вагон в тот же поворот. Пригибаюсь, чтобы глянуть в лобовое стекло вагона. «Эмка» стоит

у очередной остановки, и из нее выходит мужчина. Другой. Тыдынц! Чего это за пляски? Авто уезжает, а мужик нацеливается загрузиться в трамвай. Ну его на фиг такие танцы-непонятки. Мужик заходит в заднюю дверь и сразу попадает в объятия пожилой кондукторши. Пока они там меряются-меняются мелочью-билетами, я выскакиваю из трогаящегося вагона.

Ворота-подворотня. Быстрым шагом вваливаюсь во двор дореволюционного многоквартирного дома. Вряд ли двор тупиковый. Ага. Еще в три стороны проходы есть. Иду, куда ноги несут. Поворот. Еще двор. Опять поворот. Надо на соседнюю улицу выйти. Очередной двор. Бабулька с пацаном лет десяти. Только собираюсь задать вопрос о пути-дороге, как мальчонка озадачивает меня:

— Дядя, а вы письмо от моего папы нам принесли?

— Егорка! — подает голос женщина. — Ты что, не видишь, это командир, а не почтальон. — И уже мне: — Извините, товарищ командир. Егорка ко всем теперь пристает, письмо от отца все ждет.

На пацаненка жалко смотреть. Вот-вот заплачет от разочарования.

— А кто у тебя папка? — спрашиваю.

Парень оживает, хлопает носом и выдает:

— Папка у меня танкист! Вот! Капитан Капитанов!

— Как? — вздрагиваю, бывает же такое, или мне слышалось.

— Звание воинское такое — капитан, — серьезно разъясняет парнишка. — А фамилия наша — Капитановы. Вот!

Твою ж дивизию, бывает же такое...

— Все-все, Егорка, не отвлекай товарища командира, — бабулька тянет внука к подъезду.

— Нуу, баа, может, он про папку что слышал? — не унимается малец.

— Как зовут отца?

— Александр Сергеевич.

Во блин! Бабулька внимательно смотрит на меня, и от нее не ускользают мои эмоции.

— Вы его знали?

Знал ли я его? Бывают, конечно, совпадения. Но вот так у меня в первый раз.

Это было на следующий день после того, как мы освободили Ригу. Из нескольких концлагерей мы несколько тысяч военнопленных освободили. Из них же начали спешно формировать пехотные подразделения, благо и трофейного оружия было захвачено в достатке, и один из лагерей оказался офицерским, и не было проблем с тем, кого поставить взводами-ротами командовать. На формируемые батальоны я ставил своих, бригадных офицеров, а вот ротными-взводными там назначались только что освобожденные бывшие военнопленные из офицерского концлагеря. Без проверки-фильтрации. Некогда. Все потом. На Ригу шел эсэсовский танковый корпус, и надо было срочно крепить оборону. Поехал я тогда по позициям. Проверяю, как окопы-позиции оборудуют, новые подразделения инспектирую. Очередная сводная группа готовится выдвигаться навстречу немцам для организации заслона-засады. Танковый взвод и свежесформированная пехотная рота при двух противотанковых пушках. Командир роты подбегает с докладом. Командир роты капитан Капитанов. Очень похож на актера Юматова из «Офицеров». Бывает же такое! А если до полковника дослужится? Фамилию менять? Улыбаюсь. Капитан мнетя, что-то ещё хо-

чет сказать. Ну, давай выкладывай. Танкист он. Последнее место службы — командир батальона легких танков во 2-й ударной армии. В июле прошлого года при попытке вывести оставшихся бойцов батальона из окружения был ранен и взят в плен. Вот так. В общем-то довольно рядовая по нынешним временам история.

— Я танкист, товарищ генерал, могу наводчиком в любой танк сесть, больше пользы принесу.

Слава богу и партии, у нас в бригаде на тот момент потери в общем-то были небольшие и безэкипажной техники не имелось, разве что десяток-другой взятых уже здесь, в Риге, трофейных бэтээров. Но это не для танкового комбата работенка.

Киваю адъютанту, мол, запиши данные, будем иметь в виду.

— Извини, капитан, нет у меня для тебя танков. Вот отобьемся, тогда и тебя по профилю применим, а пока давай не подведи. Немцев надо максимально притормозить на дальних подступах.

А через несколько дней, когда от немецкого корпуса отбились и к Риге подошли части Северо-Западного фронта, сижу в штабе, просматриваю донесения из подразделений о потерях, разбираю представления о награждениях, пишу похоронки. На рядовых-сержантов похоронки писали командиры подразделений, а на офицеров у меня похоронки писали штабные, ну и я сам тоже, когда время позволяло. Когда разбирал представления о награждениях, натываюсь на знакомую фамилию. Капитан Капитанов. Умело командовал ротой при устройстве засады. Рота под его командованием уничтожила до двухсот вражеских солдат и офицеров, огнем из ПТР и противотанковых орудий рота

подбила четыре танка, шесть бэтээров и до десяти грузовиков. Был ранен. Один из наших танков, участвовавших в засаде, был подбит. После получения приказа на отход заменил убитого наводчика в подбитом танке и огнем из этого танка прикрывал отход подразделения на запасные позиции. Огнем из танка лично подбил три вражеских танка и два бэтээра. Вел огонь из танковой пушки до тех пор, пока танк не был окончательно уничтожен врагом. Через несколько дней, когда мы вернулись на эти позиции, тело капитана было извлечено из танка и опознано. Похоронили капитана в братской могиле на окраине Риги. Комбат представлял капитана к ордену Красного Знамени посмертно. Зачеркиваю. Вписал представление к званию Героя. Только вот похоронку некуда было писать. Личное дело не успели толком завести. Где и когда родился, когда был призван, где учился — есть, а про семью записи нет. Ну, ничего, данных хватает. Разберутся штабные, найдут родных капитана.

И вот, похоже, сам семью капитана нашел.

— Фотография есть твоего папки? — спрашиваю мальчика. — Был у меня знакомый с такой фамилией.

Мальчонка оживился, тянет меня за собой. Поднимаемся на второй этаж, в квартиру к моим нечаянным знакомым. Егорка, не разуваясь, бежит в комнату и возвращается с большой, видно ещё довоенной, фотографией. Бравый красный командир, в петлицах танки и кубари старшего лейтенанта, миниатюрная блондинка в светлом ситцевом платье, а между ними Егорка в новенькой школьной форме с портфелем и букетом цветов. На первое сентября, наверное, фоткались. На фото командир еще больше на Юматова похож.

Бабулька замерла, прижала руки к груди. Мальчишка с надеждой заглядывает мне в глаза.

— Он? — шепчет женщина.

— Он, — киваю, слова застревают в горле.

Женщина уже все поняла по моему виду.

— Когда?

— Зимой, под Ригой.

Егор, размазывая слезы, убегает в комнату. Бабулька просит рассказать о том, где и как. Приглашает пройти на кухню. Прошу поставить чайник. Заваркой я нынче богат. Попьем чайку. Под чаек и расскажу. Бабульку зовут Тамарой Степановной. Теща капитана. Жена Александра Капитанова — Ольга — на службе, здесь, в Москве. Зенитчица. Младший лейтенант. Командир взвода. Иногда забегает домой, но все больше в казарме или на позициях где-то в Сокольниках.

Пока Степановна возится с чайником на керогазе, лезу в свой вещмешок и начинаю выуживать из него заварку и другие деликатесные в нынешнее время продукты. Вот, блин, тормоз! Вываливаю из мешка все продуктивное богатство на кухонный стол.

— Тамара Степановна, это вам.

— Да вы что? Мы не голодаем. И у Ольги паек хороший, — сопротивляется бабулька.

Да уж. На блокадные ленинградские фото они с Егоркой, конечно, не похожи, но и упитанными не выглядят.

— Берите. Страна своих генералов хорошо кормит.

Деньги у меня есть, могу и в коммерческом ресторане недельку похарчеваться. Перебьюсь.

На кухне опять появляется Егорка.

— Расскажите про папку.

Конечно, расскажу. Для начала вручаю мальчишке плитку шоколада. Потом достаю из трофейного ранца трофейный же эсэсовский офицерский кинжал. Ясен пень, не сам его затрофеил, корнеевские ухорезы добыли, ну а уж мой главный особист мне презентовал.

— Держи.

Егорка внимательно рассматривает кинжал, слегка морщится, натываясь взглядом на орла со свастикой, усевшегося на ореховой рукоятке.

— Трофей.

— Папкин?

Что тут скажешь.

— Да, папкин. Он немецкого полковника убил и с него этот кинжал снял.

Ага. Трофей должен иметь свою историю.

Поспел чай, нарезаны бутерброды. Рассказываю все, что знал о капитане. Степановна охает. Егор замер, сжимает кинжал и ловит каждое мое слово. Восторг в мальчишеских глазах, когда сообщаю о том, что его отец представлен к ордену. К какому — не говорю. Не знаю, утвердили ли мое представление на Героя. Если нет, то уж Красную Звезду должны дать точно. Все рассказал. Пошли вопросы. Уже собрался уходить. Звонок в дверь.

— Мамка пришла. — Егор срывается с табуретки и бежит в коридор.

Ольгу отпустили со службы переночевать дома. Знакомимся-представляемся. Сообщаю печальную весть. Ольга воспринимает известие о гибели мужа даже с каким-то облегчением. В прошлом августе пришло извещение, что муж пропал без вести. Про гибель Второй ударной особо не сообщалось, но Ольга уже тогда служила и примерно представляла, где муж служил и что там произошло. Погиб?

Попал в плен? Как узнать? А тут хоть какая-то определенность. Приходится рассказывать все по второму разу. Засиделись. На улице уже темно. Скоро комендантский час. Фигня. У меня пропуск. На прощание объясняю Ольге, куда надо обратиться в наркомате, чтобы получить документы о гибели мужа, и как узнать о награждении.

Выхожу из дома и начинаю петлять по дворам, выбираясь на улицы. На улице нос к носу сталкиваюсь с патрулем. На мне полушубок с большим овчинным воротником, погоны почти не видны, генеральские лампасы на галифе тоже из-под полушубка не рассмотреть. Прикольно выглядит младший лейтенант, разглядывая мое удостоверение личности и врубаясь, что там за звание прописано. Цельный генерал-лейтенант из подворотни с немецким ранцем вырулил. Есть от чего рот разинуть и удивиться. Чего это генерал тут, ночью, один, с плотно набитым ранцем делает?

— А что у вас там, товарищ генерал-лейтенант? — начальник патруля указывает рукой на стоящий у моих ног ранец.

— Личные вещи и деньги.

— Предъявите к досмотру, пожалуйста.

Да без проблем, смотрите. Лица патрульных вытягиваются при виде объемных пачек денег, руки на автомате скидывают с плеча карабины. Начпатр тоже тянется к кобуре.

— Спокойно, младший лейтенант, посмотрите там, — киваю на стопку моих документов, еще зажатую в руке младлея. — Расчетная книжка¹ есть, в ней все отражено.

¹ В расчетную книжку записывались все выплаты, производимые финчастью офицеру.

Начпатр недоверчиво начинает листать расчетку, а там все премии скрупулезно перечислены и дата выплаты стоит сегодняшняя.

— Вопросы?

— Никак нет, товарищ генерал-лейтенант. Но как же вы тут?

Хрен его знает, о чем хотел спросить младший лейтенант, но снисхожу и пытаюсь объяснить.

— Зашел к семье погибшего однополчанина, — киваю на дома за спиной. — Вот засиделись, а теперь надо до своей квартиры добраться.

— А где квартира?

— Лейтенант, там же в документах ордер на квартиру есть, — указываю начпатру на невнимательность.

— Ах да, извините.

— Лучше подскажите, как пройти, а то я в этих местах первый раз.

Начальник патруля начинает словами и жестами описывать дорогу до нужного мне адреса. В начале улицы появляется взрыкивающий движком грузовик. Один из патрульных выскакивает на проезжую часть и тормозит порожнюю «трехтонку». Младший лейтенант прерывает свои объяснения и идет проверять документы у водителя. Минуты через три-четыре возвращается ко мне.

— С вокзала пустой на завод возвращается, — комментирует начпатр ситуацию. — Ему в ту же сторону, что и вам. Может подвезти.

— Спасибо, лейтенант, воспользуюсь.

Пожилой водитель устал и хмур, неразговорчив. Опаздывает на погрузку, звиздюлей отсыпать могут, так что никуда заезжать не будет, а выкинет меня в ближайшем к моему дому месте на его маршруте. Ну и на том спасибо.

Прокатились с ветерком. Иду, оскальзываясь на подмерзающих продуктах дневного таяния сугробов. Нужный квартал нахожу без проблем. Мой дом в глубине квартала, это я ещё в академии на плане Москвы рассмотрел-запомнил. Дом. Трехподъездная пятиэтажка. Ориентируюсь по табличкам у подъездов и нахожу свой. Дверь со скрипом. Света на лестнице нет. Светомаскировка. Достāju фонарик и, подсвечивая им, взбираюсь на нужный мне третий этаж. Уф. Добрался. Отпираю дверь и захожу в квартиру. В квартире тепло. Паровое отопление, однако. Свечу фонариком. На окнах есть плотные шторы светомаскировки. Задергиваю их, включаю свет. Осматриваюсь. Минимализм. На кухне — стол, тумба, стул и керогаз. В ванной присутствует дровяной водогрей и небольшая охапка дров, топорик для их колки. Комнаты проходные. В первой солдатская панцирная кровать с матрасом, подушкой и казенным одеялом, шкаф с постельным бельем, и все. Во второй комнате — пустой книжный шкаф, стул, двухтумбовый письменный стол и настольная лампа на нем — типа кабинет. Вот и все убранство квартиры. Да... не «Метрополь», однако. Не то чтобы я ожидал роскошных апартаментов, но этот здешний минимализм наложился на преследующий меня последнее время игнор. Никому я не нужен, никто со мной встречаться не хочет. Садись за парту, генерал, и не отсвечивай. Обидно, досадно. Хотя... Сейчас в Белоруссии, по всей видимости, большая драка началась, и моим московским знакомцам просто не до меня, головняков сейчас у Генштаба и Ставки выше крыши, и некогда им одному из многих генералов сопли подтирать.

Вешаю в шкаф полушубок, ранец туда же, включаю свет и, не раздеваясь, заваливаюсь на кро-

вать. Лень. Лень раздеваться, лень кровать бельем застилать, есть пока нечего, да и не проголодался еще. Утро вечера мудренее. Посплю, там дальше будем посмотреть. Блин... Будильника-то у меня нет. Просплю — не просплю? Встаю с кровати, раздергиваю шторы, приоткрываю окно. Начнется утром движуха на улице, услышу и проснусь. Выглядываю в окно. Во двор въезжает машина. «Эмка». «Эмка»? Возвращаю голову в тепло квартиры и наблюдаю. «Эмка» тормозит у первого подъезда. К ней от угла соседнего дома бежит мужик. Из «эмки» выходят трое, из водительской двери никто не вылезает. Подбежавший жестами указывает на мой подъезд. Троица направляется к моему подъезду. За мной? Ко мне? Зачем? Бандиты? НКВД? Или опять прокуратура? Вряд ли последние двое, но, с другой стороны, мало ли какие установки чекистам могли дать, мало ли чего неравнодушные люди про меня могли в прокуратуру настучать. Ладно, посмотрим. Не зажигая свет, на ощупь подхватываю из ванной топорик, ремень с кобурой на плечо и выхожу на лестничную площадку. Тихонечко прикрываю дверь и запираю ее на замок. Теперь тихонечко-тихонечко, на цыпочках на пятый этаж.

Скрипит дверь подъезда. Троица полуночников пытается повторить мой маневр по бесшумному передвижению. Шума почти нет, но вот фонариком они себе подсвечивают, и мне виден их маршрут. Поднялись на третий этаж. Остановились у моей двери. Шепоток. Ковыряются в замке. Бандиты? Не факт. Может, и вполне себе легальная группа захвата. Дверь открылась, и троица заходит в мою квартиру.

Стараясь не шуметь, спускаюсь. Слегка приоткрываю дверь в квартиру и подсовываю под нее носок топора. Теперь дверь особо не откроешь, топор сработает клином. ТТ в руку. Нажимаю на кнопку механического звонка. Звон-перезвон. В квартире — приглушенные матерки.

— Внимание! Работает Московский уголовный розыск, выходить по одному, руки за голову, — подпуская в голос свирепости, ору в квартиру.

— Спокойно, коллеги, свои, госбезопасность, у нас ордер.

Ага, ордер у них. На обыск или на арест? А чего тогда тихарятся и в темноте шарятся?

— Документы предъявите. Один к двери с документами. И свет в коридоре включите.

— Сейчас-сейчас, коллега.

Шепотки, осторожные шаги в коридоре.

— Свет!

— Да-да, сейчас.

В коридоре зажигается свет. Я-то в темноте стою, а вот тем, кто в квартире, на несколько секунд фокусировку собьет. Но полуночный нежданчик с промаргиванием и восстановлением зрения тянуть не стал, а с разгону врзал ногой по двери, примериваясь выскочить на лестничную площадку вслед за распахнутой дверью.

Не срослось. Дверь крепка, и топор надежно ее клинит. За дверью мат в полный голос, видать, хорошенько ногу себе отморозил мужик. В щель между дверью и косяком вижу валяющийся на полу пистолет и ноги завалившегося на пол попрыгунчика.

— Всем на пол, — ору. — Кто дернется — стреляем на поражение!

Из квартиры раздаются выстрелы, в двери появляются дырки. Ах вы ж суки! Получите. Стреляю в щель по ногам неудачного борцуна с дверью. Два выстрела, и не скакать больше зайчишке никогда. Зайчишка орет-визжит и матерится. В квартире какая-то движуха. Нагибаюсь, чтобы вырвать топор из-под двери, и чуть не получаю инфаркт. Мне на плечо ложится рука. Оборачиваюсь. Мужик лет сорока, в галифе, вязаных носках и белой нательной рубаше, в правой руке стволом вверх такой же, как у меня, ТТ.

— Помочь?

Ага, пипифакса принеси! Конечно, помочь!

— Патруль, милицию вызови.

— Уже позвонил. Едут.

Нормуль. Значит, можно не суетиться, не изображать из себя Рэмбу. Приедут специалисты и разрулят ситуацию.

Вдруг в квартире раздается грохот. Ор. Вой. И почему-то вой за окном. Глухой стук упавшего мешка с картошкой доносится с улицы. В квартире нарастающий шум, похожий на звук фонтана. Душераздирающий вой в квартире.

Вырываю из-под двери топор и врываюсь в квартиру. Сапог, пинок, голова. Обезноженный зайчишка успокаивается в углу коридора. Нефиг к пистолету тянуться. В первой комнате дым. Нет. Пар. В клубах пара мечется второй неудачник. Личико ему обожгло. А зачем же было трубу отопления курочить? Замах, топор, бедро. Не, ногу не отрубил. Бил обухом. Пусть хромоножкой поживет, зачем ему летящая походка, когда глазные яблоки в вареные яички превратились?

К окну в комнате не подойти. Из развороченной трубы отопления хлещет кипяток. Выгляды-

ваю в окно на кухне. Внизу, на превратившемся в монолитный камень сугробе, лежит тело третьего ночного гостя и не сыгравшие роль спасительной веревки разодранные простыни. Деревня! Кто ж тебя надоумил трубу отопления заместо анкера использовать?

Возвращаюсь в коридор. Нежданный помощник уже крутит-вяжет бандюганов их же ремнями. Уф. Ну вроде усе. Вон и за окном слышен шум подъезжающих машин. Ух ты ж, сколько вас! Первыми до квартиры добежали патрульные из комендатуры, менты следом — они подзадержались под окном у незадачливого стенолаза. Сразу за милицией появились гэбэшники. Опаньки, и не гэбэшники вовсе — «Смерш»! Это я чего-то упустил. Вашу же контору должны были только через месяц создать. Вслух, ясен пень, этого не произношу, но интересуюсь, что за зверь такой? Оказывается, уже два дня как создан единый «Смерш»¹.

*21 марта 1943 года,
г. Раков, Белорусская ССР*

Гвардии лейтенант Миша Васев уже четыре года как был танкистом, в 39-м на срочку призвали, а с передовой он почти не вылезил с ноября 41-го, с самого начала контрнаступления под Мо-

¹ В РИ — 19.04.1943 года Постановлением СНК СССР на базе Управления особых отделов НКВД СССР были созданы Главные управления контрразведки (ГУКР) «Смерш» в наркоматах обороны и Военно-морского флота СССР. В АИ — 18.03.1943 года создано единое ГУКР «Смерш» при Ставке ВГК без разделения по наркоматам, начальником «Смерша» назначен комиссар госбезопасности 2-го ранга Виктор Семенович Абакумов.

сквой. Тогда он был еще рядовым мехводом, чуть позже стал командиром танка, а сейчас у него под командой целый взвод — три новеньких ниже-тагильских Т-34 с весьма полезной доработкой — с командирской башенкой¹. Танковые батальоны их 23-й гвардейской танковой бригады командование раздергало поротно на усиление стрелковых частей, формирующих внешнее кольцо окружения немецкой группы армий «Центр». А вот 2-я рота 1-го батальона бригады, в которую и входил взвод Миши, угодила в резерв командира 11-й гвардейской стрелковой дивизии. Правда, прежде чем стать резервом, роте пришлось серьезно попотеть.

Подумаешь, марш в пятнадцать километров от Заславля, где располагалась бригада, до Ракова, вокруг которого были позиции частей 11-й дивизии. Ерунда. Час хода от силы. Но прошлой ночью, уже под утро, когда рота была на середине маршрута, нацисты из Минска решили попробовать на зуб позиции 326-й дивизии, стоявшей на внутреннем обводе кольца окружения.

От Минска на позиции дивизии ломанулись пехотные части европейских союзников Гитлера. Так-то этих датчано-бельгийцев особо не боялись. Вооружение дерьмовое, артиллерии почти нет, пулеметов минимум, танков-бэтээров тоже нет, передвигаются на своих двоих, потому как и автомашин

¹ В РИ — командирская башенка появилась на Т-34 только летом 1943 года. В АИ — в связи с массовым применением, сначала в бригаде Брежнева, а затем и в других частях РККА, трофейных танков советские танковые командиры оценили удобство командирской башенки и начали массово требовать установку аналогичных на отечественных танках. Первые Т-34 с командирской башенкой начали поступать в войска в начале весны 1943 года. ГГ — к этому руку не прикладывал.

даже в обозе нет. Лошадки, впряженные в телеги, и лошадки для старших командиров — вот и весь транспорт этих завоевателей. Хорошие пулеметно-артиллерийские ротные опорные пункты могли без проблем отражать атаки хоть целого полка этих европейских воинов. Да и дивизию, скорее всего, бы остановили и заставили бы умыться кровью. Но не в этот раз. Видать, европейские нацики со всего Минска и остающейся под их контролем округи белорусской столицы сгребли все авто-мото-тракторное. Потом, после боя, когда удалось поближе рассмотреть побитые вундервафли, обнаружилась даже парочка паровых тракторов, которые иногда еще использовали в деревнях как привод для молотилок или мельниц. Так вот, собрали эти франко-голландцы чуть не три сотни всякого-разного гражданского транспорта, присобачили на него пулеметы-пушки-минометы и ломанулись без артподготовки через подмерзшие к утру поля на позиции одного из полков 326-й дивизии. Грузовик с малокалиберной пушкой в кузове или легковушку без крыши, но с пулеметом остановить не проблема, если ты в окопе да с пулеметом, особенно если с крупнокалиберным. Но вот если эти вооруженные каракатицы лезут-ломаются из всех щелей, если и сосчитать их даже не получается — вот тогда действительно проблема. Первые ряды авто-мото-недотанков наши стрелки остановили, но слишком густо было этих недоразумений, мешают они целиться в идущих следом. А следом кроме таких же эрзац-тачанок лезет еще и обычная пехота и тоже прикрывается дымящимися трупиками изделий гражданского автопрома. В общем, добрались евроокупанты до нашей первой линии

окопов. Рукопашная. Штыки-гранаты, лопатки-приклады. До хрена нациков было. Потом прикинули — минимум три дивизии. Против полка! Правда, полк тот не осени 41-го. В нем все как положено. Батареи 45-мм и 76-мм пушек, батарея 120-мм минометов, в батальонах полка минометные и пулеметные роты и взводы 45-мм пушек, и даже в обычных стрелковых взводах имеются минометные отделения. Накрошил полк оккупантов от души, но уж слишком много было фашиков. Добрались-добежали они до наших окопов и захлестнули советских бойцов волной безумной. И реально замаячила перспектива прорыва внутреннего кольца окружения. Вот тут-то командование и сдернуло с маршрута роту, в которой служил Мишка, затыкать-разруливать проблему.

Сто 76-мм снарядов и чуть более трех тысяч 7,62-мм пулеметных патронов в каждом из десяти танков роты. Круто. Круто было бы, если все снаряды были бы осколочно-фугасными или картечными, ну или шрапнельными. Но рота готовилась отражать удар немецких панцеров снаружи кольца, и большая часть боекомплекта была из бронебойных снарядов. Автотачанки бронебойным снарядом прошивались насквозь, но эти же снаряды были абсолютно бесполезны против пехоты. Уже на рассвете, когда стало понятно, что отбились, что наступательный порыв нациков выдохся, танкистам пришлось работать гусеницами. Патроны в пулеметах кончились, снаряды — только подкалиберные остались, и как таким снарядом по бегущему пехотинцу стрелять? Вот и пришлось погоняться, по заставленному коптящими небо авторазвалинами полю, за разбегающимися нациками. Изред-

ка на броне танка что-то бухало. Тихонечко. Это особо отмороженный бельгиец или француз пытался исподтишка поразить советский танк противопехотной гранатой. Безумству тупо-тугоголовых споют песню в Париже и Брюсселе. Позже. Когда вести о бойне-катастрофе дотуда дойдут. А бойцы 326-й стрелковой дивизии поутру считали трупы европейцев и остовы евротачанок. Как отмечалось выше, ранее едущих развалин насчитали под три сотни. Трупов — больше восьми тысяч. Больше — потому что комдив больше считать не разрешил и отправил счетчиков восстанавливать порушенные оккупантами позиции, хотя новые окопы уже капало около трех тысяч пленных.

Авиация? Где была авиации? Наша или немецкая. Уже несколько дней как погода была откровенно нелетной. Низкие-низкие тучи, из которых периодически высыпалась то мелкая снежно-ледяная крупа, то мелко-противная водяная взвесь. Вот и не было авиатехники у обеих сторон. И не было авиаразведки.

Вот так. В Раков рота прибыла только накануне вечером. Без потерь прибыла. Но с расстрелянным в ноль боекомплектом и с минимумом солярки в баках. Хорошо, что у стрелков-пехотинцев пушки теми же снарядами стреляют, что и танкистам нужны. Поделились полковые артиллеристы снарядами, отсыпала пехота патронов к пулеметам, а к утру и заправщики из бригады добрались — наполнили пересыхающие баки. Теперь жить можно. Поспать бы еще. Да какой там! Всю ночь провозились с сортировкой и погрузкой привозимых вразнобой пехотой снарядов да обслуживанием-ремонтом танков. Ничего серьезного, но вот приборы наблю-

дения повреждены были почти на всех танках, еврацики, не имея чего-то серьезного для борьбы с «тридцатьчетверками», массово пытались покалечить прицелы-триплексы танков огнем из стрелковки. Хорошо, что на заводе запас триплексов¹ в возимый ЗИП² отсыпали щедро. Поесть-поспать? Поесть удалось, поспать — нет. Ротного в штабе дивизии предупредили, что дивизионная разведка фиксирует выдвижение немецкой мотопехоты и танков к позициям дивизии со стороны Воложина. Видать, наконец-то решились немцы на деблокирующий удар, не стали ждать улучшения погоды, попрутся без предварительных авианалетов.

Позиции 11-й дивизии хороши. Всего двенадцать километров от Ракова на востоке и до Рудни на западе, по южному лесистому берегу речушки Исlochь. За Рудней — болота, при всем желании не пройдут там немцы. А за Раковым уже другие наши дивизии стоят. К северу от Исlochи по большей части поля, перемежаемые небольшими рошицами. Почти все рошицы от берегов реки на полтора-два километра отстоят. И эти полтора-два километра немцам придется пройти под огнем частей дивизии. И никак от этого им не уклониться. Немного дорог тут к Минску ведет, и стиснуты они все лесами и болотами. Вот так и здесь. Дорога на Минск вдоль северного берега реки идет, и не пройти по дороге, пока советских бойцов от речки не отбросишь. И севернее, вдали от реки, немцам не пройти — там опять

¹ Так танкисты называют перископические приборы наблюдения экипажа.

² ЗИП — запасные инструменты и принадлежности. Запчасти и расходники, входящие в обязательную комплектацию техники.

леса-болота начинаются. Так что будут немцы сначала пытаться отбить южный берег реки, а потом уж по дороге ломанутся к Ракову и далее на Минск.

Сидит Мишка у танка, спрятанного под деревьями небольшой рощицы, слушает канонаду. Мехвод принес в котелке чайку. Хорош чаек, ароматный, с травками, из Грузии недавно посылки в бригаду привезли от тамошних колхозников. Кроме чая в тех посылках еще различные сухофрукты были. Начмед бригады говорил, что полезны они для глаз. А глаза для танкиста очень нужны. Зоркие глаза! Первый увидел вражеский танк или пушку — значит, жив будешь, проворонишь противника — пипец тебе. Прошли времена, когда у немцев только слабенькие «колотушки» были. Сейчас у них вполне себе серьезные орудия имеются и в противотанковой артиллерии и на танках, если попадут, то почти точно тебя подобьют. Это, конечно, про собственно немцев. У их союзников с противотанковыми средствами пока не очень. Но, судя по всему, сегодня в бой идет именно что немцы. Так что закусывает Мишка чаек сушеными кавказскими вкусняшками, готовится к бою. Дай бог, чтоб до боя не дошло. Нет, не трусит лейтенант, нет. Просто если их роту куда в бой сдернут, то это значит, что там совсем плохо, что там наши не могут самостоятельно удержаться, что слишком силен на том участке противник и без помощи резерва не удержаться пехоте.

Дело шло к полудню. От соседней рощицы, где располагался штаб стрелковой дивизии, примчался снегоход. Начали недавно такие мотоциклы, поставленные на лыжи и гусеницы, поступать в гвардейские части. Удобно и быстро, почти по любому зимнему бездорожью гоняют. Водитель снегохода за-

брал ротного и, газанув, умчал обратно в штаб. Ага. Сейчас командиру задачку нарежут. Сворачиваем костерки-перекусы, экипажи к машинам, а командиры взводов подтягиваются к танку ротного. Ждем. Через минут десять снегоход возвращает ротного.

Хорошие новости. Наши везде держатся. Вот только у немцев работает пара-тройка стопятидесятимиллиметровых гаубичных батарей. Не достать их никак, сильно мешают они нам. Поэтому танковая рота стартует с северной окраины Ракова, не дошли туда еще немцы, и через ближайшую рощу уходит в рейд по немецким тылам. Нет здесь еще сплошных порядков у немцев, можно проскочить и поискать их артиллерию. Задача поставлена, цели определены, за работу, товарищи!

— По машинам!

И рванула рота по подтаявшие-раскисшим полям навстречу врагу. Исlochь пересекли по мосту у Ракова и сразу углубились в лесок. Пришлось попотеть механикам, петляя между деревьями, но справились — выскочили на северную опушку рощи. При тормозили. Ротный и взводные из люков вылезли, в бинокли рассматривают местность. Поле, в поле хуторок погорело-разваленный, за хуторком опять лесок-роща. Немцев не видно. Ну, что, рванули? Ротный дает команду по радио. Сначала взвод Мишки пойдет до развалин хуторка. Там за развалинами тормознется-спрячется, и тогда остальная рота подтянется. Зачем такие сложности? Да вот не нравится ротному опушка леса за хутором. Хорошая там позиция для противотанкистов. Не стоит сразу все танки под их возможный огонь подставлять.

Мишкин танк по центру, второй-третий танки взвода оттянулись вправо-влево на сто метров,